

«Левша»

В «Левше» запечатлена талантливость, творческая одаренность русского народа. В этом несколько затейливом сказе вскрыта подлинная трагедия русских талантов из народа в условиях самодержавно-крепостнического строя, часто обрекавшего эти таланты на жалкое существование и смерть в безвестности. Чтобы выразить горькую мысль о «неулучшимости» дарований, писатель в основу сюжета кладет такую «нелепость», как подковывание стальной блохи, на что бессмысленно тратятся силы русского мастера. С этим тесно связан и общий причудливый, полуфантастический колорит «Сказа о Левше».

По Ф. Евнину

«Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе» появился в печати с подзаголовком «цеховая легенда». Впоследствии этот подзаголовок не удержался. Между тем он указывал на происхождение рассказа из рабочей среды. По свидетельству И.А. Шляпкина, «Сказ о тульском левше» взят из рассказа одного рабочего Сестрорецкого оружейного завода, где Лесков провел лето 1878 года. Сам Лесков указывал, что «Сказ о стальной блохе» есть специально оружейничья легенда», выражающая «гордость русских мастеров оружейного дела». «Я записал эту легенду, — продолжает Лесков, — в Сестрорецке по тамошнему сказу от старого оружейника, тульского выходца...» По сообщению А.Н. Лескова, писатель слышал краткий рассказ о «нашей рабочей удали» в Сестрорецке летом 1878 года от одного из мастеров оружейного завода, на даче которого жил. Вице-директор завода, полковник Болонин, подтвердил эту побасенку. Вся же расцветка и стиль легенды принадлежат всецело Лескову. Сам он называет свой сказ «эпосом работников», свидетельствующим о подвигах «артистической удали» старинных мастеров.

Но от сестрорецкого оружейника Лесков мог заимствовать лишь некоторые детали или вариации темы, которая смолоду была ему близка. В семье Шкоттов он слышал немало сопоставлений Англии и России в их быту, национальных навыков, чертах народного характера. Мысли самого Лескова на эту тему нашли свое выражение в двух эпизодах «Запечатленного ангела», где крепостной кузнец и неученый богомаз поражают своей работой крупнейших инженеров Великобритании. Таким образом, тема эта увлекала Лескова задолго до встречи с сестрорецкими оружейниками. Но с наибольшей полнотой она была развита в его «Левше».

«Левша» — это живой и занимательный простонародный сказ о том, как тульские оружейники сумели подковать удивительную заводную блоху из английской вороненой стали, сработанную в Лондоне. Незаметно шутка переходит в размышление Лескова об одаренности его народа и свойственном ему глубоком патриотическом чувстве. Умирая, Левша сообщает своему врачу:

«— Скажите государю, что у англичан ружья кирпичом не чистят: пусть чтобы и у нас не числили, а то, храни бог войны, они стрелять не годятся.

И с этой верностью Левша перекрестился и помер».

Его предсмертный завет не был выполнен, а то «в Крыму на войне с неприятелем совсем бы другой оборот был».

Такими серьезными выводами заканчивается веселый сказ Лескова.

«Собственное имя левши, подобно именам многих величайших гениев, навсегда утрачено для потомства, — заключает автор, — но как олицетворенный народною фантазией миф он интересен, а его происхождения могут служить воспоминанием эпохи...»

В письме к Аксакову от 26 октября 1881 года Лесков лучшей частью рассказа признает его конец — «Левша в Англии и его трагическая кончина».

В особом объяснении «О русском левше» Лесков отвечает одному из своих критиков по поводу его замечания, что автор сказа имел мысль вывести не одного человека, а что там, где стоит «левша», надо читать «русский народ».

«Я не стану оспаривать, что такая, обобщающая мысль действительно не чужда моему вымыслу».

И Лесков разъясняет читателям диалектику своего образа:

«Левша сметлив, переимчив, даже искусен, но он расчет силы не знает, потому что в науках не зашелся и, вместо четырех правил из арифметики, все бредет еще по псалтырю да по полусоннику. Он видит, как в Англии тому, что трудится, все абсолютные обстоятельства в жизни лучше открыты, но сам все-таки стремится к родине и все хочет два слова сказать государю о том, что не так делается, как надо, но это Левше не удастся, потому что его “на парат роняют”. В этом все дело».

«Сказ о косом левше» — наилучший образец стилизации под лубок, под раешник, под старинную ярмарочную литературу. В этом стиле выдержаны Лесковым и донской казак Платов, и цари, и генералы, и англичане, и тульские оружейники. Тяга Лескова к «народной этимологии», то есть комическому искажению слов, получает здесь наибольшее развитие и нередко являет свои удачнейшие образцы, широко вошедшие в разговорную речь (например, «долбица умножения»).

В чисто литературном плане сказ о стальной блохе восходит к тем притчам о народной смекалке и удалом мастерстве, которые получили широкое развитие у Даля («Ось и чека», «Русак», «О чем знаешь», «Мастеровой человек нигде не пропадет» и др.). Лесков продолжает народную традицию, уже отчасти разработанную и в книжной литературе.

По Л. Гроссману

Знаменитый лесковский «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе», написан причудливым языком в манере гротеска, с фантастическими преувеличениями.

Все происходит как в сказке. Царь платит за стальную блоху миллион рублей серебряными пятачками, Твердиземное море омывает берега Англии, а атаман Платов крадет в Лондоне «мелкоскоп». И за всей непостижимой и веселой нелепостью сюжетных положений «Левши» возникает новый и широкий план рассказа.

На противоречивые обвинения критики, находившей, что Лесков или очень унижает народ, или, наоборот, очень ему льстит, автор отвечал специальной заметкой «О русском Левше», в которой он объяснял:

«Что же касается самой подкованной туляками английской блохи, то это совсем не легенда, а коротенькая шутка или прибаутка, вроде “немецкой обезьяны”, которую немец выдумал, да она садиться не могла (все прыгала), а московский меховщик взял да ей хвост пришил — она и села. В этой обезьяне и в блохе даже одна и та же идея и один и тот же тон, в котором похвальбы могло быть гораздо менее чем мягкой иронии над своею способностью усовершенствовать всякую заморскую хитрость».

Чудесный мастер Левша совершил невозможное — подковал сделанную англичанами стальную блоху, которую нельзя разглядеть без «мелкоскопа». Его мастерство бесцельно, стальная блоха, даже подкованная, ни для чего не нужна. Так же бессмысленна и гибель героя.

«А Левшу свалили в квартале на пол и спрашивают:

– Кто такой и откудова, и есть ли паспорт или какой другой тугамент?

А он от болезни, от питья и от долгого колтыханья так ослабел, что ни слова не отвечает, а только стонет.

Тогда его сейчас обыскали, пестрое платье с него сняли и часы с трепетиром и деньги обрали, а самого пристав велел на встречном извозчике бесплатно в больницу отправить... Везли Левшу так непокрытого, да как с одного извозчика на другого станут пересаживать, все роняют, а поднимать станут – ухи рвут, чтобы в память пришел».

И кончается тем, что у Левши «затылок о парат раскололся».

Вся эта нескладная история гениального героя оказывается символичной для России, и неспроста рассказчик внезапно свяжет повествование о Левше с Крымской кампанией 1850-х годов, когда из-за вековой отсталости России была проиграна война при численном перевесе и изумительном геройстве русских солдат. Так случилось, в простонародном толковании, потому, что «как стали ружья заряжать, а пули в них и болтаются, потому что стволы кирпичом расчищены». Перед смертью герой предупреждает о неправильном обращении с оружием в русской армии, однако это никого не интересует.

Внешний комизм бессмысленных ситуаций соответствовал сатирической идее Лескова о бессмыслице жизни николаевской России, ибо если не удивительно, что гениального Левшу расколотили, как какую-нибудь игрушку, то подавно нельзя удивляться свистовым казакам, Твердиземному морю и всей фантазмагории с танцующей блохой, которой так заинтересовались русские цари.

«Причудливое и загадочное, – писал Лесков о своих святочных рассказах, – имеет свои основания не в сверхъестественном или в сверхчувственном, а истекает из свойства русского духа и тех общественных влияний, в которых для многих, и в том числе для самого автора... заключается значительная доля странного и удивительного».

По Б. Другову

Рассказ «Левша» построен на анекдоте: англичане сделали стальную блоху, такую маленькую, что разглядеть ее можно было только в микроскоп, а тульские мастера, желая превзойти англичан, подковали ее да еще на каждой подковке выставили имя мастера. Но главное — не сам по себе этот анекдот, а его стилистическая разработка. Рассказ этот написан особой языковой манерой. Лесков сам назвал эту вещь «Сказ о тульском косом левше и о стальной блохе». Словом «сказ» Лесков отметил манеру, подражающую устной речи рассказчика. Действительно, «Левша» передается как бы словами тульского мастера-оружейника, который своим особым языком рассказывает о людях и событиях. В этом языке много забавных слов и выражений, придающих всему рассказу комический тон. Платов с государем едут «в двухсестной карете», потом Платов лежит «на досадной укушетке»; в домике, где мастера работают над блохой, делается «потная спираль» (спертый воздух); водолаз называется «водоглазом», Средиземное море — «Твердиземным» и т. д. Получается особый стиль, построенный на смешном искажении слов, на игре со словом, на каламбуре.

Особенно забавны искажения иностранных слов: микроскоп превращается в мелко-скоп, барометр – в буреметр, вариация – в верояцию, пудинг – в студинг, Нессельроде (фамилия министра) – в Кисель вроде. Получается осмысление иностранных слов, превращение их в русские. В лингвистике это называется «народной этимологией». Лесков пользуется этим приемом как языковым анекдотом. Комизм этих слов не только в том, что они звучат как русские, но и в том, что их смысл, несмотря на замену иностранных корней русскими, остается близким к подлинному – как «мелкоскоп» или «буреметр». Получается каламбур, построенный на случайном созвучии иностранных слов с близкими по смыслу русскими. При этом иногда образуются забавные противоречивые сочетания: «студинг» (от русского «студень», холодное блюдо) оказывается горячим.

Забавный язык, которым рассказан «Левша», находится в родстве с языком народных сказок, с «лубочной литературой». Предшественники Лескова (Даль, Вельтман и др.), подготовили появление такого рода вещей. В 30-х годах XIX столетия вопрос об изучении

живого народного языка и противопоставления его книжному было очень важным. Даль и Вельтман были не только писателями, но и учеными-филологами. Повесть Вельтмана «Кашей бессмертный» написана былинным складом, на основе русского языка XII века; Даль в своих сказках подражал языку и манере деревенского сказителя. Ко времени появления Лескова Даль закончил огромный труд, до сих пор не потерявший своего значения, — словарь живого русского языка.

В Лескове соединились и завершились намерения его предшественников. Даль и Вельтман были зачинателями — они делали художественно-филологические опыты; Лесков, опираясь на эти опыты и пользуясь ими, довел их до настоящего искусства. Он научился соединять «сказовую» форму с богатым бытовым материалом; но уже не как экспериментатор, а как художник, умеющий заинтересовать читателей и вызвать у них сочувствие к изображаемым им персонажам.

Как тонкий и искусный рассказчик, Лесков действует на читателя не только фактами, но и самым тоном повествования, самым стилем. Один и тот же факт, один и тот же сюжет можно рассказать по-разному.

«Левша» рассказан веселым, балагурным стилем, за исключением его заключительной сцены. Оставаясь по тону комической, она заканчивается описанием полицейской расправы с возвратившимся из Англии Левшой. Его приятеля англичанина («полшкипера») привезли в посольский дом, позвали к нему лекаря и аптекаря, в ванну посадили, пилюли дали и т. д. А Левшу? У Левши не оказалось «тугамента» (документа); и вот его везут в полицию, а оттуда по больницам, да по дороге роняют и «ухи рвут»; наконец привозят его «в простонародную Обухвинскую больницу, где неведомого сословия всех умирать принимают», и сажают в коридоре на пол. Так Левша и умирает — «потому что у него затылок о парат раскололся», а перед смертью успевает выговорить: «Скажите государю, что у англичан ружья кирпичом не чистят: пусть чтобы и у нас не чистили, а то, храни бог войны, они стрелять не годятся».

В одной этой сцене — целая картина николаевской эпохи. И она производит особенно сильное впечатление именно потому, что рассказана тем же балагурным стилем, как и весь рассказ. Маленький, комический по тону «сказ» превращается в вещь большого исторического смысла, в своего рода сказание о российском государстве; а «косой Левша» вырастает до размеров эпического героя, в котором олицетворен страдающий от деспотического произвола народ.

По Б. Эйхенбауму

Тема гибели талантов и дарований — тема не новая в русской литературе, она разрабатывалась еще писателями 1830–40-х годов: Тимофеевым — в рассказе «Художник» с характерным эпиграфом: «Кто сосчитает сколько талантов погибло в неизвестности», Павловым — в «Крепостном музыканте», Герценом — в «Сороке-воровке» и др. Но у Лескова эта тема приобретает характер основной и наиболее устойчивой в его творчестве.

Если в собирательном образе «Очарованного странника» Лесков утверждал богатство и жизнеспособность русского народа, которому «смерть на роду не написана», то о замечательном «Сказе о тульском косом левше и о стальной блохе», опубликованном в 1881 году, Лесков в том же широком, обобщающем плане раскрывает в лице гениального тульского мастера высокую самобытную талантливость русского народа и его трагическую судьбу в старой России. Под левшой автор подразумевал русский народ, в этом он сам признавался. В объяснительной заметке «О русском левше» Лесков писал:

«Рецензент «Нового времени» замечает, что в «Левше» я имел мысль вывести не одного человека, а что там, где стоит «Левша» — надо читать “русский народ”. Я не стану оспаривать, что такая обобщающая мысль действительно не чужда моему вымыслу...»

Фантастическо-гротескный характер повести не исключает ее глубокого реального содержания. В «Сказе о тульском косом левше и о стальной блохе» соединены патетически-героические и сатирически-обличительные тенденции лесковского творчества. С большой любовью создается здесь образ русского талантливого самоучки, у которого «на щеке пятно родимое, а на висках волосья при учении выдраны». Превзойдя в своем мастерстве лучших английских механиков, Левша, однако, несмотря на уговоры, не соглашается оставить Россию. «Мы, – говорит он, – к своей родине привержены». Это чувство любви к родине, присущее и Левше, и очарованному страннику, и другим героям, Лесков неизменно возводит в общенациональный признак русского народа.

В том же «Левше» писатель показывает, как губила невежественная русская власть талантливых русских патриотов. Глубоко трагичен финал сказа. По возвращении на родину Левша обречен на побои, голод и смерть. Но и умирающий Левша больше всего озабочен мыслью о секрете, который во что бы то ни стало надо передать царю на благо родины и народа.

В сказе о Левше ярко запечатлелись и талантливость русского человека из народа, и строй, губящий эти замечательные таланты.

«Левша» — одно из немногих произведений Лескова, которое в 1880-х годах вызвало многочисленные отклики в связи с большим интересом к народу. Народническая критика 80-х приняла «Сказ о стальной блохе» холодно. «Левша» шел вразрез с традиционным образом либерально-народнической литературы этого времени — сереньким, невежественным, средним мужичком, каким создала его крепостническая Россия. Именно в таком плане оценивали «Левшу» «Отечественные записки»: «...если русские мастера при необразованности таковы, то что же из них выйдет, если им преподать из арифметики четыре правила сложения...»

С другой стороны, тема трагической судьбы гениального самоучки была разрешена в форме «шутовского», по выражению одного из критиков, сказа. «В наше время, когда крепостное право отошло в область предания и чесать пяток на сон грядущий уже некому, подобные “сказы” могут оказать значительную услугу», — иронизировало «Дело» в рецензии о «Левше».

Критики не поняли, что и сама форма сказа «под лубок» отвечала характеру авторского замысла: дать в «Левше» нарочито «простонародное» толкование историческим событиям и лицам.

«Собственное имя левши, – писал Лесков в заключительных строках своей повести, – подобно именам многих величайших гениев, навсегда утрачено для потомства; но как олицетворенный народной фантазией миф, он интересен».

И не случайно в «Левше» автор дает народное толкование Крымской кампании 1850-х годов, когда, несмотря на героизм русских солдат, война была проиграна вследствие низкой российской техники: «как стали ружья заряжать, а пули в них болтаются, потому что стволы кирпичом расчищены».

Та же тема трагической судьбы талантливой личности из низов при крепостном праве с большим и подлинным драматизмом прозвучит вслед за «Левшой» и в известном рассказе Лескова «Тупейный художник», где на фоне крепостного театра проходит страдальческая жизнь художника и талантливой актрисы под гнетом барского произвола и насилия.

По В. Гебель